

Российская академия наук
Институт лингвистических исследований
Костромской государственной университет
имени Н. А. Некрасова

Вторые Громовские чтения

РУССКИЕ НАРОДНЫЕ ГОВОРЫ: ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ

Сборник материалов и исследований
всероссийской научно-практической конференции
Кострома, 17–18 октября 2014 года

Кострома
КГУ им. Н. А. Некрасова
2015

**СЕМАНТИЧЕСКИЕ ГРУППЫ ЛЕКСИКИ
С КОРНЕМ -бес- В РУССКИХ ГОВОРАХ
И АНТРОПОНИМИИ ПЕРМСКОГО КРАЯ***

В статье рассматривается лексика с корнем -бес- в русских говорах и антропонимии Пермского края. Выделены основные семантические группы таких слов. Сделаны выводы: 1) в славянских языках наблюдается семантическая трансформация: 'пугающий' – 'нечистый дух' – 'ненормальный', развиваются оценочные компоненты смысла; 2) только в русском языке реализуются семы 'очень, чрезвычайно' и 'колдун'; 3) в пермских говорах развились также значения, отражающие специфические мифологические представления жителей Пермского края.

***Ключевые слова:** диалектология; антропонимия; лексика с корнем -бес-; семантическая группа; Пермский край.*

Настоящая статья служит продолжением наших исследований, которые связаны с изучением наименований нечистой силы, представленных в русской речи и ономастике Пермского края, в русских жаргонах (см. [Боброва, 2013а; Боброва, 2013б]). В данной работе мы предпринимаем попытку свести в единый корпус диалектную лексику с корнем -бес- и систематизировать ее семантически.

С целью выявить семантические группы в этом гнезде слов, а также обнаружить объединяющие их архисемы мы использовали данные многочисленных диалектных словарей Пермского края и картотек словарей (толковых, фразеологических, проектируемых этнодиалектного словаря и словаря пермских прозвищ). Нами выявлено более 100 единиц, представляющих собой отдельные лексемы (около 35, по преимуществу нарицательные) и сочетания слов (около 65). Сочетания слов демонстрируют разную степень устойчивости: это свободные сочетания с конструктивно обусловленным значением; синлексы, т. е. сочетания, тяготеющие к фразеологии; фразеологизмы. Путем компонентного анализа семантики слов и сочетаний слов нами выделялись общие семы, на основе которых анализируемые единицы объединялись в семантические группы.

Вершина исследуемого гнезда – *бес* – очень древнего происхождения. «Этимологически *бѣсъ* – того же корня, что литов.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФНФ (проекты № 12-34-01043а1, 14-04-00437а).

bai-s-us «страшный», что далее отсылает нас к корню балто-сл. **boi//bij* в рус. *бояться*, литов. *baidyti* «пугать», *baiminti* «то же» и мн. др.» [Степанов, 2011: 865]. Составители «Этимологического словаря славянских языков» выводят пражначение ‘принуждение, страх, пугать’, сближают *bēs, в частности, с *bēda [ЭССЯ: 89].

В русском и родственных ему славянских языках в аналогичной лексеме реализуются следующие основные значения (синонимичные толкования объединим в одних марровских кавычках): ‘бес, злой дух, демон, нечистый, дьявол, черт’, ‘в христианских религиозных представлениях – дух тьмы, мрака, соблазняющий человека или причиняющий ему зло’; ‘бешенство (болезнь)’; ‘(дикая) ярость, злоба, бешенство’, ‘о душевном иступлении’, ‘буйство’, ‘о буйстве стихий’; ‘буйный нрав, шалость’; ‘юный возраст’. Производный субстантив *бесна* имеет семантику ‘падучая болезнь, родимец и др. конвульсивные болезни, приписываемые суеверами бесовскому наваждению’. В производных атрибутивах реализуются значения: ‘страшный, ужасный, гадкий, отвратительный, отталкивающий’; ‘сумасшедший’; ‘злой, взбешенный, неистовый, бешеный, разъяренный, буйный, взбесившийся’, ‘буйный, шальной, бесноватый’, ‘распущенный, разнузданный, распоясавшийся’, ‘горячий, пугливый (напр., о коне)’; ‘надменный’. Глагольная лексика зафиксирована с семантикой: ‘заболеть бешенством’; ‘беситься, сходить с ума’; ‘сходить с ума, волноваться’, ‘сердиться, сходить с ума, бесноваться, неистовствовать, кипеть от злости, гневаться, быть в раздражении, в ярости, в иступлении, в бешенстве’; ‘безудержно, без меры резвиться, куролесить, блажить, проказничать, повесничать, шумно шалить’; ‘предаваться разврату’, ‘о периоде течки у собак, волков’, ‘спариваться (о собаках, волках)’; ‘раздражать’; ‘кичиться’ [ЭССЯ: 88–91].

Лексика современного русского литературного языка обладает аналогичной общеславянской семантикой, но здесь возникают также новые значения, ср.: *бесовка* ‘ведьма’, ‘о злой, вздорной женщине’, *бесовски* ‘очень, чрезвычайно’, *бешеный* ‘отличающийся чрезвычайной быстротой, силой, напряжением и т. п.’, *бешено* ‘чрезвычайно быстро, с чрезвычайной силой, напряжением и т. п.’ [БАС, 1: 570, 630].

Тем самым лексику с корнем *-бес-* в русском и родственных ему славянских языках можно объединить в семантические группы, в которых реализуются семы: 1) ‘страшный (отвратительный, отталкивающий, пугающий)’, 2) ‘нечистый дух’, 3) ‘страдающий

(болезнью) бешенством’, 4) ‘сумасшедший’, 5) ‘вышедший (выведенный) из эмоционального равновесия’ (сюда же примыкает ‘вступать в половой контакт’, ‘о бурной погоде’), 6) ‘причиняющий беспокойство окружающим своим поведением, проявлениями и т. п.’ (сюда же – ‘находиться в возрасте, которому свойственно такое поведение’, ‘вести себя надменно [т. е. вызывая раздражение окружающих]’); в русском литературном языке также 7) ‘очень, чрезвычайно (интенсивно, быстро и т.п.)’, 8) ‘ведьма, колдун’ (сюда же – ‘такой, как ведьма, колдун’). Вероятно, появление 3–7 значений было мотивировано утраченной позднее семой ‘такой, в которого (словно) вселился бес’, значение 8 метонимично и отражает сему ‘такой, который связан с бесами’. Наблюдаем в этом ряду сохранение исконной семы ‘пугающий, отталкивающий’, но в то же время, на наш взгляд, приращение значения ‘ненормальный’ (‘выходящий за рамки нормы, дозволенного; неадекватный’).

Рассмотрим специфику реализации указанных семантических групп в пермской лексике и ономастике с корнем *-бес-*.

1. Сема ‘страшный, пугающий’. Примеры отражения древнейшего значения корня *-бес-* в материалах Пермского края не обнаружены.

2. Сема ‘нечистый дух’. Пермская лексика демонстрирует значительную специфичность ее реализации.

Как и в других славянских языках или в русском литературном языке, обнаруживается маркировка данным корнем нечистой силы разных «уровней», ср.: *бес* ‘нечистая сила (общее название)’ (*Дьявол-то – он не человек, никто, а бес уж*) [СГА, 1: 67], во фразеологизме *муки-беси* ‘ад для грешников’ (*Кто неправедно живёт, в муки-беси идёт*), в обереговом восклицании *во имя отца и сына и Святого Духа, бесам страх и стрела* [Подюков, 2: 110, 256–257], *бес* ‘нечистый дух’, *бесишки* ‘о чертях’ [Побюков, 1: 53], *бесов* ‘принадлежащий бесу’ [СРГСПК: 92], *бесинские слова* ‘используемые колдунами магические тексты’ [СРГСПК: 91], *бес прикачнулся* ‘что-либо представляется в мыслях, воображении; мерещится’ [СПГ, 1: 35; Русинова 2011: 22], *бес тыкает* кого-либо ‘о неосознанном желании делать что-либо’ [Подюков, 1: 53].

В пермских говорах произошла конкретизация семантики, ср., например, *бес* в значении ‘злой дух природного или хозяйственного локуса’, аналогичное понятиям *леший, домовый, банник, водяной* и т. п. (ср.: *В лес-от пужаюсь ходить: бисьяк уведёт* [СПГ, 1: 39]; *А его увело* [заблудился]. *Бесишко увёл* [СРГСПК: 92]; *Посудку*

держатъ настью, открытой нельзя: бес насерёт [Подюков, 1: 53]; *Если как по-ранешиному, считается, что после двенадцати беси ходят. И пока петух не споёт* [Подюков, 1: 53; Русинова, 2012]; фразеологизмы *бес в воду нассал*, объясняющий запрет купаться после Ильина дня [Подюков, 1: 53], *бес на бересте напишет* – шутивно о том, кто провинился перед нечистой силой (лешим?) и попал к ней в немилость (*Ну вот, сметали сенко. Опять бес на бересте напишет*) Подюков, 1: 53]).

Особенно многочисленны фиксации обозначений ‘злого духа, который находится в услужении у колдуна, используется им для причинения вреда, для насылания на людей и животных болезней и служит источником болезни при проникновении в организм жертвы’. При «вселении» такого беса болезнь обычно проявляется как «кликушество» («порча», «икота»), т. е. через бессознательные выкрики (в т. ч. с использованием нецензурной брани), чревоущание, предсказания будущего и др., приписываемые этому бесу и сопровождаемые изменением особенностей речи «хозяина». Ср.: *Жила у нас в Гришино настоящая ведьма. К ней все обращались, если надо что было. Была она очень высокого роста. Всегда она в кармане что-то носила. Люди сначала думали, что собачка это. Ан нет! Разглядели потом, что она носила в кармане. Оказывается, что настоящего бесёнка. Всё по его воле делала, советовалась с ним; Беси-то у них [колдунов] есть. Дак ведь дома, где они у них. Посадят бися – голова будет болеть. Биси в голбце сидят, они работу просят. Их посылают под ёлки иголки считать. Они там и бегают. Колдуны их посылают; Потом она захворала, спортил он её. Временами дурела. Бесоватый, чертёнок-то в ней был [ЭСМР]; Поглядели – у его гимзит в тусеке-то, жучки всякие, это порча-та на людей, биси-те [СРГКПО]; Уж во мне сидит бес, да не один ещё; Она [порча] внутри посажѐна. Какой-ко бес. Он матькатся и чѐ ли [СРГПК: 90]; Я слыхала: колдун посадит бесёнка. Дак он молчит шесть лет, а потом начнѐт кричать [Подюков, 1: 53]; А вот эта бабка, она, мол, говорит бесёнком. Вот у неё такой период придѐт – она начинает говорить таким грудным голосом изнутри и совсем другое... [СРГСПК: 91]; и т. д., и т. п. Считается, что такие злые духи могут «подселаться» колдунами не только через прикосновение, но также опосредованно, например через еду, питье или *бесьи колики* – осинового колья, обмазанные медвежьим салом, которые втыкали рядом с дорогой, чтобы «испортить» свадебный поезд [Подюков, 2004: 74]:*

по поверьям, на этих колыях участников свадьбы ждали посаженные на них бесы. Такие злые духи могут покинуть тело больного «икотой» человека после специальных обрядов (ср.: *выпроваживать бесов* [СРГКПО], *вывести (выгнать) беса, закрывать беса* [ЭСМР]) или после его смерти (ср.: *могилка бесовская* ‘могила, на которой, по суеверным представлениям, из человека выходят бесы’ [СРГКПО]). Знахарями применялись специальные предметы, например *бесовская трава* ‘трава, используемая для лечения болезней, вызванных колдовством (?)’ [ЭСМР].

По принципу смежности лексика с корнем *-бес-* стала переноситься на жертву колдуна, откуда развилась сема ‘такой, в которого колдуном вселен злой дух’, ср. в наименованиях больного: *Бесовные кричат, бывает, в церкви на службе* [Подюков, 1: 54]; *А бесовой не любит, когда запоют: «Иже херувим, херувим». Дак двери и откроются, он выходит, тяжело ему* [ЭСМР].

К этой же группе относим лексему *бесовской* ‘рождённый от невенчанных родителей (о ребёнке)’ [Подюков, 1: 54], т. е. «лишенный крестной защиты, находящийся во власти нечистой силы».

3. Сема ‘страдающий (болезнью) бешенством’. В пермской речи Акчимским словарем полного типа зафиксирована единственная, общерусская лексема с ней: *бешеный* ‘больной бешенством’ [СГА, 1: 69].

4. Сема ‘сумасшедший’. В пермской речи также Акчимским словарем зафиксирована единственная, диалектная лексема с ней: *збеситься* ‘сойти с ума’ [СГА, 1: 338].

5. Сема ‘вышедший (выведенный) из эмоционального равновесия’. Реализуется в общерусских и диалектных лексемах и фразеологизмах: *беситься* [СГА, 1: 352], *бесовать* ‘быть недовольным, сердиться’ [СПГ 1: 36], *взбесить, збесить* ‘привести в сильный гнев, ярость’, *взбеситься, збеситься* ‘прийти в сильный гнев, ярость’ [СГА 1: 338, 358], *бес бей!* ‘восклицание, выражающее досаду, негодование, восхищение’ [Русинова, 2011: 22; СПГ, 1: 35], *бешеный* ‘о чрезмерно подвижном, легко возбудимом человеке, животном’ [СГА, 1: 69].

6. Сема ‘причиняющий беспокойство окружающим своим поведением, проявлениями и т. п.’. Сема широко отражена в пермской диалектной лексике: *беситься* ‘куролесить, повесничать’, *бесовьё* ‘о детях’, *бесьё* ‘о плохих, дурных людях’, *бесовщина* ‘о чем-либо вызывающем неприятие, осуждение’ [СРГСПК: 93], *бесенье* ‘нечто непристойное, что не подобает смотреть верующему

человеку' [СПГ, 1: 36], *бесовщина* 'беззаконие' [Подюков, 1: 54], а также фразеологии: *беса на душу принять (принимать)* 'сделать что-либо, не соответствующее нравственным правилам' [Прокошева: 300].

Эта семантическая группа тесно связана с другими. Так, вследствие метафорического развития семантики возникли обозначения 'чрезмерно бойкого, ловкого, быстрого, подвижного, суетливого человека (обычно ребенка)': *Ну и бес девка!*; *За имя, за бесами, пропадёшь вовсе* [о детях] [СРГПК: 91]; *Замолчите, мол, чертенята, бесята!* [СГА, 6: 186]; *Бесиха* – *если девка или баба бесятся, бегают, дураят* [СРГПК: 92]; *Она первой бес была, очень веселая, на все посиделки ходила* [Прокошева: 22]; *На супрядках-то угланы были как бесвы...* *Бесятся шибко* [СПГ, 1: 35]; *Ванька такой вроде шмотень, а гонят на машине – как бес сороковой* [Подюков, 1: 53]. Фактически это периферийный пласт, переходный от группы 2. С этой же группой связан глагол *беситься* 'вести себя неадекватно, агрессивно во время приступов «икоты» (о поведении человека, в которого по воле колдуна вселился злой дух)' [ЭСМР]. С группой 4 пересекается лексема *бешеный* 'буйно, безрассудно ведущий себя вследствие психического заболевания' [СГА, 1: 69], с группой 8 – лексема *бесить* 'причинять беспокойство своим присутствием (о колдуне)' [СРГПК: 92].

7. Сема 'очень, чрезвычайно (интенсивно, быстро и т. п.)'. Реализуется во фразеологии: *до беса* 'много' [СПГ, 1: 35; Русина, 2011: 22], *как бисей* 'много' [Подюков, 1: 56], *как бес от грома* 'сломя голову' [Прокошева, 2002: 22], 'о быстро идущем, бегущем', *как бес от божьей милости* 'стремительно, внезапно' [СПГ, 1: 35], *первым бесом* 'в первую очередь' [СРГПК: 91].

8. Сема 'ведьма, колдун'. Вследствие расширения семантики корня *-бес-* в пермских говорах произошло разрастание лексики с этим радикалом, связанной с обозначением колдуна (как человека, который связан с нечистой силой и обычно (в пермской традиции) имеет в услужении злых духов, используемых для причинения вреда, насылания болезней на людей и животных, реже – приносит пользу, излечивает людей и животных), колдовства, специфических действий колдуна или действий человека по приобретению колдовских знаний и умений: *бесист* [СРГПК: 91; ЭСМР], *бесистая* [ЭСМР], прилагательные *бесистый*, *бесястый* и существительные *бесистый*, *бесястый* [СРГПК: 91–92, 96; ЭСМР], *бесяство* [СРГПК: 96; ЭСМР], *быть с бесами*, *взять бесей*, *засадить*

(насадить, посадить, садить, сажать) беса (бесей, бесёнка, бися), знаясь с бесом (бесями), иметь бисей, навесить биси, научиться бесам (бесей), передать (расталкивать) бесей, подать бесёнка, учиться бесей [ЭСМР] (см. также [Русинова, 2011]).

Пермская антропонимия неспецифична. Она представлена лексикой с корнем *-бес-*, относящейся преимущественно к группе 6: фамилии *Бесев* ‘от некалендарного имени или прозвища Бесь, данного очень подвижному, суетливому человеку либо человеку, связанному, по мнению окружающих, с нечистой силой’, *Бесков* ‘от неполного имени *Беско* – к некалендарному полному Бес или от прозвища Бесок’, *Бесов* ‘от некалендарного имени или прозвища Бес’, *Ожгибесов* ‘от прозвища Ожгибес, возможно, из сложного прозвища Ожги Беса’ [Полякова, 2005: 50, 270], современное прозвище *Бес*, данное бойкому подростку, причиняющему взрослым беспокойство (в комментариях информатора: «Потому что шепбунной») [КСПП]. Современное прозвище *Бес* от фамилии Бессонов [КСПП], мотивированное лексически, но не семантически, условно относим к группе 2.

Таким образом, лексика и фразеология с корнем *-бес-* в русском и других славянских языках отражает, во-первых, трансформацию древнейшей семантики ‘страшный, пугающий’ в значение ‘нечистый дух’, затем (в связи с транспозицией фокуса номинаций из области обозначений «нечистой силы» в область оценочную) – в значение ‘выходящий за рамки нормы, дозволенного; ненормальный, неадекватный’. При этом оценке через такую лексику стали подвергаться: 1) проявления кого-, чего-либо, чье-либо поведения и т. п., в результате чего востребованной оказалась, в частности, сема ‘предосудительный, подвергаемый осуждению’ (характерно для всех славянских языков); 2) образ действия, а именно интенсивность его осуществления, количественные его характеристики и т. п., в результате чего была актуализирована сема ‘очень, чрезвычайно (интенсивно, быстро и т. п.)’ (характерно для русского языка). Во-вторых, в русском языке произошло развитие «магической» семантики, в результате: 1) возникли новые обозначения колдуна, колдовских действий (в литературном языке и в пермских диалектах); 2) появились конкретизирующие номинации, которые отражают специфичные для жителей Пермского края мифологические представления о существовании бесов – злых духов определенных локусов и духов – помощников колдуна.

Л и т е р а т у р а

Боброва 2013а – *Боброва М.В.* Семантические группы лексики с корнями *черт-* / *черк-* в городских субкультурах // Социо-, психолингвистические исследования. – Пермь, 2013. – С. 44–48.

Боброва 2013б – *Боброва М.В.* Семантические группы лексики с корнем *черт-* / *черк-* в русских говорах Пермского края / М. В. Боброва, Е. А. Кирьянова (Рогожникова) // Язык и культура Русского Севера: к вопросу о региональной языковой картине мира : сб. науч. тр. – Архангельск, 2013. – С. 41–50.

БАС – Большой академический словарь русского языка. – М. ; СПб. : Наука, 2004– .

КСПП – Картотека «Словаря пермских прозвищ» / сост. М. В. Боброва.

Подюков И.А. Словарь русских говоров Южного Прикамья : в 3 вып. / И. А. Подюков и др. – Пермь, 2010–2012.

Подюков И.А. Этнолингвистический словарь свадебной терминологии Северного Прикамья / Подюков И.А. и др. – Усолье ; Соликамск ; Березники ; Пермь, 2004.

Полякова Е.Н. Словарь пермских фамилий. – Пермь, 2005.

Прокошева К. Н. Фразеологический словарь пермских говоров. – Пермь, 2002.

Русинова И.И. Вербализация представлений о связи колдуна с нечистой силой (на материале пермских говоров и мифологических рассказов Пермского края // Вестн. Перм. ун-та. Российская и зарубежная филология. – 2011. – № 2. – С. 15–23.

Русинова И.И. Мифологические и магические представления жителей Пермского края в зеркале лексики и фразеологии (на материале лексики памятников письменности XVI–XVIII вв. и мифологических рассказов XX–XXI вв.) / И. И. Русинова, Е. Н. Полякова // Вестн. Перм. ун-та. Российская и зарубежная филология. – 2012. – № 3(19). – С. 7–13.

СГА – Словарь говора д. Акчим Красновишерского района Пермской области (Акчимский словарь) : в 6 вып. – Пермь, 1984–2011.

СПГ – Словарь пермских говоров : в 2 т. – Пермь : Книжный мир, 2000–2002.

СРГКПО – Словарь русских говоров Коми-Пермяцкого округа. – Пермь : ПОНИЦАА, 2006.

СРГСПК – Словарь русских говоров севера Пермского края. – Пермь, 2011. – Вып. 1. А–В.

Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. – М. : Академический Проект, 2001.

ЭССЯ – Этимологический словарь славянских языков: праславянский лексический фонд. – Т. 2. – М. : Наука, 1975.

ЭСМР Этнодиалектный словарь мифологических рассказов Пермского края. Ч. 1. Люди со сверхъестественными свойствами / гл. ред. И. И. Русинова. (В рукописи).